

В российской науке «все не так, как хотелось бы»

В ЮНЕСКО представлен доклад по развитию мировой науки до 2030 года

Татьяна Кузнецова, директор Центра научной, инновационной и информационной политики Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики и один из составителей доклада по России, рассказала о проблемах российской науки, особенностях финансирования и публикационной активности российских ученых.

— **Насколько доклад ЮНЕСКО является значимым и престижным в научном мире?**

— Этот доклад очень масштабный, он готовится на регулярной основе. Российские специалисты участвовали в докладах, которые были подготовлены в 2010 и 2015 годах. Эти публикации значимы по крайней мере из-за странового охвата. Кроме того, в подготовке участвуют как международные эксперты из ЮНЕСКО, так и специалисты из конкретных стран, которые готовят разделы по национальным научно-технологическим комплексам. Разработчики предоставляют массу статистики — национальной и международной, экспертной оценочной информации. То есть проект и интересен, и значим по целому

— **С какой периодичностью публикуется доклад?**

— Он публикуется раз в пять лет.

— **Сколько у него авторов?**

— Точно сказать сложно — есть общие разделы, где даются глобальные оценки и выводы. Их готовят группы экспертов. У каждого странового раздела также может быть несколько авторов. Например, раздел по России готовили два автора.

— **Кто участвовал в составлении доклада по России вместе с вами?**

— Первый проректор НИУ ВШЭ Леонид Гохберг.

— **Расскажите, пожалуйста, про количество научных сотрудников в России.**

— С научными сотрудниками у нас далеко не все идеально, как хотелось бы, но и все не так плохо. В России достаточно масштабный кадровый потенциал в науке (более 700 тыс. персонала всего и почти 370 тыс. исследователей).

В абсолютных цифрах мы среди мировых лидеров. Но по отношению к общей численности населения или занятых в экономике наши позиции гораздо хуже, что, впрочем, совсем не уникальный случай для стран с крупной экономикой.

Хотя следует признать, что у мировых технологических лидеров насыщенность экономики научными кадрами в целом выше. Дело в том, что после распада СССР и в 1990-е годы сформировался тренд снижения численности научных кадров, особенно исследователей. Сначала численность уменьшалась довольно быстро, потом процесс замедлился. В отдельные годы наблюдался даже рост, но в целом динамика все-таки отрицательная. А это уже тревожный факт. Но вопрос даже не в численности, а в качественных характеристиках структуры научных кадров, условиях труда, продуктивности деятельности научных работников.

— **Как обстоят дела с научными публикациями в России?**

— Сейчас реализуются некоторые инициативы, направленные на повышение результативности деятельности в науке, в том числе публикационной активности ученых. Научные публикации демонстрируют, насколько эффективно развивается национальная наука, насколько она встроена в глобальные процессы, как воспринимается в мире. СССР занимал достаточно высокое место по числу публикаций, несмотря на известную закрытость научного комплекса и страны в целом, серьезные барьеры для коммуникаций ученых. Причины — мощный потенциал, заделы, вполне релевантная (хотя и не полностью) для того времени научная специализация.

Сейчас ситуация ухудшилась — Россия занимает где-то 16–17-е место по доле публикаций в международном потоке. Для такой мощной научной державы это не есть хорошо.

Здесь, конечно, нельзя не учитывать массу объективных обстоятельств. В частности, важно отметить проблему подготовки статей на иностранных языках. Все-таки в советское время и в 1990-е годы многие российские ученые не могли похвастаться таким уровнем подготовки, чтобы публиковать работы, конкурирующие на равных со статьями носителей языка. Да и сейчас здесь далеко не все гладко. Кроме того, часть российских журналов (даже очень хороших) по разным причинам не рецензируются в международных базах научного цитирования. Как формируется статистика цитирований? Ведутся международные базы данных, в которых рецензируются определенные журналы и статьи из этих журналов, учитывается число обращений (цитирований) к конкретным публикациям. И если журналы и, соответственно, национальные авторы «невидимы» в международном потоке публикаций, то не растет показатель публикационной активности

конкретной страны. Сейчас реализуется инициатива по поддержке интеграции российских журналов в международные базы научного цитирования, выполнению требований, которые необходимо соблюдать (оформление, перевод, рецензирование и др.). Возможно, ситуация

— **Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию с финансированием российской науки.**

— В отличие от многих развитых стран основной «кормилец» российской науки — государство. Так сложилось в силу разных причин. И основная из них — низкий в целом спрос на научные результаты в экономике. Кроме того, и в СССР, и в России науку традиционно поддерживало именно государство. По масштабам государственного финансирования науки Россия занимает одно из лидирующих мест в мировом рейтинге — 5–6-е место (по крайней мере до 2015 года).

Но вот частные инвестиции, инвестиции бизнеса (включая «государственный») по масштабам гораздо скромнее, чем в других странах. Поэтому и общий объем финансирования не такой большой, как хотелось бы. Если во многих европейских, других развитых странах доля общих расходов (из частных и государственных источников) в ВВП, как правило, выше 2%, а, например, в Израиле — выше 4%, то у нас самое большое значение в 2009 году было 1,25%.

Бизнес дает мало денег, и поэтому мы сильно отстаем от других государств.

Понятно, что в кризис ситуация только ухудшится. Бизнес в кризис не будет инвестировать в науку. Он придержит деньги для каких-то более важных для него целей. А возможности государства сокращаются.

— **Что вы можете сказать о количестве иностранных студентов, обучающихся в России?**

— Я не берусь дать какие-то точные цифры. Но скажу, что мы долгие годы, естественно, не могли сравниться с ведущими западными университетами по количеству иностранных студентов. Это происходило из-за массы причин: и из-за закрытости, и из-за невысокой известности большинства институтов. Но в последнее время государство озаботилось состоянием университетской науки — есть программа развития исследовательских университетов, существует программа 5-100, программа создания лабораторий под руководством ведущих ученых, в том числе иностранных (мегагранты) и другие инициативы. И сами университеты заинтересованы в привлечении зарубежных студентов. Для них это и деньги, и престиж. В ВШЭ, например, очень много курсов читается на английском языке, на языке ведутся занятия, семинары, проводятся крупные международные мероприятия. И это позволяет иностранцам осваивать программы университета. Кроме того, есть специальные программы по языковой практике, включая подготовку публикаций для международных научных журналов.

— **Можно ли сказать, что за последние годы в России ситуация стала лучше, но при этом другие страны растут быстрее?**

— Такой вывод сделать нельзя, потому что у разных стран свои проблемы и свои обстоятельства. Они по-разному развиваются. Но, конечно, можно сделать вывод о том, что

требуется прикладывать больше усилий, чтобы Россия заняла (вернее, вернула) достойное место среди лидеров глобального научно-технологического развития.

Это сложно сделать в условиях кризиса. Но это делать необходимо, потому что потом отставание будет все сложнее преодолеть или даже сократить. Некоторые эксперты считают, что по отдельным научным направлениям Россия уже не сможет догнать развитые страны. Очевидно, наука требует постоянной и мощной поддержки. Науку ведь можно поддерживать не только деньгами — хотя деньги, безусловно, важны. Целесообразно использовать и другие инструменты, спектр которых широк и хорошо известен. Но абсолютно неверный подход, когда считается так: сейчас не будем поддерживать науку, потому что кризис, а потом снова начнем активно ее финансировать. Дело в том, что оборудование устаревает, персонал уходит, научные школы разрушаются, а другие страны в это время не просто идут, а бегут вперед.

— В публикации одного издания, вышедшей до публикации доклада ЮНЕСКО, говорится про «ресурсное проклятие науки России». Прокомментируйте, пожалуйста, этот момент.

— Это словосочетание даже было закавычено как цитата из доклада. Но наш раздел не был этому посвящен, и удивительно, что был вытасчен тезис, которого там и не было.

Существует масса работ по «ресурсному проклятию».

Наша экономика сильно разбалансирована в сторону добывающих отраслей, топливно-энергетического комплекса, это давно известно.

Но одновременно ресурсы — это конкурентное преимущество нашей страны, которое позволяет инвестировать в том числе и в науку. Россия не должна отказываться от этого конкретного преимущества. Другое дело, что должны активнее развиваться и другие отрасли экономики. Я не специалист, но на мой взгляд, обсуждать нужно не «проклятие», а неумение, иногда нежелание сделать как надо, рационально использовать то, что дал нам Бог и предки. Сколько было благополучных лет с высокими темпами роста — можно было меньше проедать, а больше инвестировать, в том числе в реформирование научно-технологического комплекса. У нас есть много новейшего оборудования, уникальных установок, но масса институтов работает на старой инфраструктуре. О каких передовых разработках в этих условиях может идти речь! Можно было в этом направлении развиваться. Ухудшение ситуации на рынке нефти и газа сильно ударила по всем бюджетно-ориентированным отраслям, и наука здесь не исключение. Но это не значит, что нужно сворачивать ее поддержку, просто действовать нужно более рационально, а в некоторых случаях более жестко.

<http://www.gazeta.ru/science/>